

ГОРОД
(отрывок из повести)

Тьма, острая, как стылый зимний ветер.

*Не то вокруг, не то в тебе самой.
И, кажется, нет никого на свете,
И ты одна. Так долог путь домой.*

*Идешь, наощупь пробуя дорогу.
Злорадно дышит ветер у плеча.
Идешь и веришь – в городе далёком
и для тебя в окне горит свеча.*

Часть первая

Стыдно признаться, но больше всего в сутках я люблю время, когда моя семья ложится спать. В шумном доме устанавливается тёплая тишина, и я чувствую необъяснимую связь с ней. Иногда мне кажется, что она тоже так думает, по крайней мере, она всегда спокойная и дружелюбная.

Легко касаясь стены, я пробираюсь в свою комнату. Из открытого окна слышны запахи ночи. Удивительно, но для меня давно уже смешались все виды восприятия мира. Я слышу запахи, пробую на вкус звуки, трогаю пальцами эмоции и не ощущаю разницы.

За окном редкие и какие-то загадочные в это время машины. Они вызывают лёгкие и ненавязчивые ассоциации с одиночеством и свободой одновременно. Грустной какой-то свободой, никому и не нужной. Под окнами свет фонаря. Я его уже не вижу, но знаю, что он есть. Помню даже, как расположены на потолке желтые квадраты падающих отсветов. Все ночи моего детства прошли под ними.

Я люблю свою семью. Многочисленную, шумную, немножко сумасшедшую. И они меня любят, я это знаю. Но после того, что со мной случилось, мы словно оказались на разных берегах невидимой реки. Вместе живём, по утрам дружно завтракаем, болтаем, иногда совместно куда-то выбираемся. Но по-настоящему через пропасть прыгать никто не собирается. Поэтому я искренне рада знать, что у них в порядке и быть при этом на некотором расстоянии. Так проще.

Я нашариваю кровать и привычно, наощупь, раздеваюсь. Вещи в одну стопку, кольца на тумбочку, тапочки под кровать. Каждый сантиметр

пространства я знаю наизусть. Я из тех, кого вежливо и неловко называют незрячими. Слепая.

Может, поэтому и люблю ночь. Соответствие тьмы вокруг тьме внутри успокаивает. Зато ненавижу рассветы. У меня не светлеет.

Я погружаюсь в прохладные объятия простыней. Благословенное уютное одиночество. Мир становится добрым и ласковым. Я вступаю в реку дрёмы, уже зная, куда по ней поплыву. Расслабляюсь и подчиняюсь незримому течению. Оно несёт меня в Город.

Он случился со мной два года назад, когда просыпаться не хотелось вовсе, сны постепенно превращались в кошмары. Ни в реальной жизни, ни в царстве подсознания мне не было покоя. И тогда во мне начало рождаться место, где я смогу, наконец, отдохнуть. Мой Город.

Он создавался по камешку, по кирпичику, по отдельному деревцу. И он не растворился, не исчез, как другие сны, а остался со мной. Во мне. Вместо меня.

Там были башни, высокие, остроконечные, стремительные, как полёт птицы, уходящие в розово-рыжее небо, будто стремящиеся оторваться от взгляда. Там были палисадники у низких домов, наполненные запахами цветов и фруктов, и холодком мокрой зелени. Там были фонтаны с разноцветными струями. Там было всё. И любовь, и надежда, и печаль, и тишина.

Я там видела.

Там сочетались небольшие леса и озера, площади и дороги, там не было хмурых лиц и косых взглядов, ничего, что вызывало бы тоску и неприязнь. Этого с лихвой хватало в реальном мире. Поэтому мой рассудок, не задумываясь, стер эту эмоциональную составляющую из сна. Периодически он же приставал сам к себе с вопросом, а не болезнь ли это. Довольно странное всё-таки ощущение придуманных камней под ногами. Можно ли не знать, куда ведёт придуманная тобой улица?

Но потом сам от себя отмахивался с вопросом о разнице. В конце концов, ему тоже надо было где-то спастись.

Месяцами я ходила по Городу, впитывая его свет, нагретую солнцем теплоту мостовых, его голоса, цвета и запахи. Я питалась его умиротворением и неторопливостью. Он ничего не требовал от меня, даже сил на то, чтобы жить в нём... Этому живому и странно настоящему месту было нетрудно пригласить меня, очаровать, зачаровать, привязать, успокоить и затем предоставить самой себе.

В этом Городе не было ни времени суток, ни времени года. Не расцветал рассвет над его крышами, и не сгущалась ночь. Не опадали листья с деревьев и не замерзали лужи после дождя. Да, дождь бывал, но тоже тёплый, напоенный солнцем и летом, и ещё чем-то весёлым и ярким. Жители казалось, никогда не спали, постоянно чем-то занимаясь, словно трудолюбивые пчёлы. Или, может, я попадала в Город только днём и летом.

Возможно. Ведь это был мой сон, а я любила лето больше других времён года. Мне приятно было думать, что по моей воле здесь всё неизменно и будет постоянным вечно. Хватило мне уже перемен в жизни. Сердце радовалось постоянству.

Город был полон тайн и чудес. Каждую ночь я распутывала лабиринт его узорчатых узких улочек, приводящих то к симпатичному заброшенному садику, то к дому с кружевными балконами, то к причудливому фонтанчику на площади. Он манил, притягивал, давал делать открытия и наслаждаться ими. На губах оставался пьяный привкус полного сладкими ароматами ветра. Любое дерево или камень в Городе при взгляде с другой стороны казались совершенно иными, незнакомыми. Мне не хотелось просыпаться по утрам, открывать глаза и наткнуться с размаху на стену темноты после ласковых лучей солнца. Сказка притягивала и заполняла душу. Я сидела на набережной, на крошечных каменных скамейках, гуляла в парке или бродила по маленьким дворам, заросшим неизвестным, но пахучим кустарником. И не переставала думать, придумывать, как остаться здесь навсегда. Ничего не приходило в голову. Мысль эта бледнела, пряталась в каких-то закоулках сознания, но не исчезала окончательно. И я продолжала бродить, растягивая каждую секунду пребывания в Городе. Каждая секунда была подарком.

Поскольку это был сон, меня не удивляло то, что жители города меня не видели. Совсем. Я для них не существовала. Я случайно заметила это, когда, заглядевшись на какой-то очередной архитектурный изыск, неловко толкнула женщину с полной корзиной яблок. Те, сочные даже на вид, румяные, гладкие, раскатились по мостовой. Прохожие кинулись их подбирать, кто обратно в корзину, кто себе в карман. Я извинилась и поняла, что женщина меня не слышит. Она торопливо складывала фрукты в корзинку, что-то бормоча под нос и никак на меня не реагируя. Я пробовала спросить что-то у другого прохожего. Тот же результат. Я целую ночь провела, пытаюсь обратить на себя внимание жителей города. Потом смирилась и махнула на это рукой. Не так уж мне это и нужно. Так даже проще. Можно заходить в лавчонки или мастерские, беспрепятственно заглядывать в чьи-то сады, не задумываясь, а не попросят ли меня отсюда. Можно было не думать, как я выгляжу, опускаясь на мостовую на колени, чтобы разглядеть особенно красивый камешек в ней. Город словно разрешал мне быть самой собой в полной мере.

Но не обошлось и без открытий. Я отдыхала в сквере на скамейке, когда к моим ногам подкатился веселый полосатый мяч, а затем детский голос произнес:

- Тётя, подайте, пожалуйста, мяч.

Я подняла глаза. В нескольких шагах от меня стоял малыш лет шести, худенький, лохматый, с исцарапанными коленками и веселыми глазами. Он смотрел на меня и улыбался.

- Это ты мне? - на всякий случай уточнила я. Он кивнул и улыбнулся ещё шире.

Я осторожно пнула мяч, тот подкатился к ногам мальчишки. Ребенок ловко подхватил его и звонко сказал:

- Спасибо!

И убежал. А я поняла, что дети в городе видят меня так же, как и всех остальных. Почему? Ещё одна загадка Города.

Сегодня меня вырвал из сна шум за окнами. Кто-то рано утром громко и со вкусом ругался по телефону не то с женой, не то с подружкой. Я невольно прислушалась. И даже восхитилась. Вот даёт мужик, ни разу не повторился! И эпитеты такие сочные, красивые. Виртуоз. Я хмыкнула и поплотнее закуталась в одеяло. Светало, я чувствовала кожей, как серые утренние тени наполняют комнату. Они были прохладными и гладкими, как шелковая ткань наощупь. Забавно, когда тени можно потрогать. И совсем не забавна ситуация, при которой учишься это делать.

Я полежала ещё немного и решила, что пора окончательно просыпаться. Встала и принялась одеваться. Временно другой мир отступил.

В коридоре тяжёлая тёплая ладонь коснулась моего плеча, и голос отца произнес:

- Доброе утро.

- Доброе утро, - отозвалась я, заворачивая в ванную. Нашла на полке расческу, открыла кран и стала расчесываться. Почему-то захотелось пропустить воду, чтоб была ледяной, и умыться как следует. Вспомнилась колодезная вода в деревне у бабушки в каком-то нереально далёком детстве.

Так я стояла, бесцельно двигая рукой с расчёской, пока моё внимание не отвлек странный звук. Что-то было не так в звуке падающей струи. Что?

- Ты долго ещё, а то мне на рабо... ч-чёрт, - раздался за спиной голос старшего брата, и тут же сильные руки отшвырнули меня в сторону. Я вцепилась в косяк, чтобы не упасть. Тяжёлой волной накатила паника.

Странное хлюпанье, затем скрип закрываемого крана.

- Mam, принеси, пожалуйста, половую тряпку, - крикнул брат. Его голос раздавался откуда-то снизу.

В коридоре отозвалась мама, в дверь ванной заглянул ещё кто-то. Я на ватных ногах добралась до кухни и приземлилась на ближайшую табуретку. За столом сидел Славка, младший, и, что-то напевая, гремел чашками.

- Может, хоть ты мне объяснишь, что я натворила, - мрачно поинтересовалась я.

- Всего лишь повернула кран не в ту сторону, - судя по звуку, он отмахнулся. – Всё нормально. Соседи так и так хотели сделать ремонт.

- Не слушай его, доченька, - торопливо сказала мама за моей спиной. – Всего лишь небольшая лужа.

Я промолчала. Руки ещё подрагивали от волнения.

Славка хмыкнул. Мама поставила передо мной кофе. Любимый горький аромат медленно вытеснял напряжение и плохое настроение.

- Скажи мне, сестрёнка, зачем ты даже на домашнем платье носишь изображения собачек? - вдруг поинтересовался Славка. – Их же никто, кроме нас, не видит.

- С чего вдруг такой интерес? - спросил папа, усаживаясь рядом со мной завтракать.

- Он очень хочет услышать, чем мой стиль отличается от его позёрства, - фыркнула я. – Пойми, братик, мне неважно, видит ли кто-то моих собак. Я ношу их для себя, а не для других. И мне совершенно не обязательно, как некоторым, красоваться и хвастаться перед кем-то.

- Ну что вы прямо как дети малые, - примиряюще вступилась мама. – Разве это такой острый вопрос?

- Да мне просто интересно, - не унимался брат. – Значит, получается, что это аксессуар для собственных ощущений. Ощущение присутствия любимых собак.

- Да, именно так, - заявила я. – Необязательно видеть вещь любимую, нравящуюся, приносящую радость. Главное ощущать её присутствие.

Перед мысленным взором предстали любимые собачки, которых я коллекционировала всю сознательную жизнь.

- И ты все вещи так подбираешь, ставя во главу угла ощущения? – спросил Славка.

- Да.

- И полосатые носки тоже? - невинно продолжил он.

- Да, - ляпнула я и осеклась. Повисла тишина, потом отец задумчиво сказал:

- Ощущение полосатости носков... Круто.

И все расхохотались. Я тоже не смогла удержаться и фыркнула:

- Вот зараза!

Он перегнулся через стол и щелкнул меня по носу:

- Зато ты улыбнулась. Всё, я в универ.

Тревожное чувство, так портившее всё утро, отступало, теряясь и растворяясь в привычной жизни. Надо просто меньше думать, будет меньше придумываться. Всё хорошо.

И снова день мимо. Как, впрочем, и всегда. Время неизвестно, солнечного света не видно, и утро отличается от вечера только названием. Ждёшь ночи, прислушиваясь к шуму за окнами, когда же он, проклятый, стихнет. Никогда меня в моей прошлой жизни так не раздражал любой шум, как теперь. Мозг, вынужденный ориентироваться только на звук, легко перегружался и я терялась, не понимая, где я, что я, и что происходит вокруг,

словно в ворохе цветных ниток приходилось искать нужный кончик, нужный звук, цепляясь за который, можно было попробовать с трудом восстановить картину окружающего тебя мира. Но часто, под наплывом новых и новых звуков чахленький ориентир терялся, и всё приходилось начинать сначала. Я не любила больше дни. Только ночи.

Снова пожелала всем спокойной ночи, торопливо разделась и легла. Ритуал, который я сегодня старалась соблюсти как можно тщательней. Словно это помогло бы мне избавиться от ощущения, что что-то не так. Не помогло.

Город был непривычно полон мокрым ветром и запахом воды. Я впервые подумала, что ведь, в сущности, даже не знаю, а вдруг он портовый. Вдруг где-то здесь есть море. Я на море была один раз, в далёком детстве, когда нас, детей, в семье было ещё только двое. С младшим, Славкой, у нас разница в шесть лет. Поэтому я мало что помню, кроме детского ощущения счастья и повсеместного запаха моря. И от воспоминания об этом как-то резко сжалось горло.

Но запах здесь был другой. Нехороший какой-то, очень подходящий в моим предчувствиям. Я ускорила шаги. Вокруг начали появляться спешащие куда-то люди, всё больше и больше. Все были взволнованы, что-то шумно обсуждали, лица у всех были либо испуганными, либо растерянными. Я догнала парнишку лет десяти, дёрнула его за рукав и спросила:

- А что случилось-то?

- Вы не знаете? - округлил он глаза. – Река у старого моста вышла из берегов, совсем неожиданно для всех. Всё смыло: набережную, торговые ряды, половину жилого квартала.

- А старый мост – это где? – зачем-то спросила я. Ребенок указал направление, и я рванула туда.

- Туда никого не пускают, - крикнул он мне вслед. – Там стоит оцепление.

Я уже не слышала, проклятый мокрый ветер, полный беды, стучал в висках. Как могло такое случиться в моем Городе? В мире моих грёз, в убежище, в дурацком, но моём сне?

Квартала через два я действительно наткнулась на оцепление.

Оно стояло над разрушенной набережной, никого не пуская вниз. Многие из собравшихся наверху плакали, кто-то ругался, кто-то кому-то объяснял:

- Ночью внезапно поднялся уровень воды. Буквально за пять минут, никто даже уйти не успел. Все как были, мужчины, женщины, дети... Волна поднялась и слизнула две улицы.

- Да, - вздохнул один из слушателей. – Пивнушка там хорошая была в подвале. Эх, жалко людей.

Я стояла почти за плечом рассказчика и чуть не отпрыгнула, когда стоявшая неподалеку с растерянным видом женщина вдруг бросилась вперед и схватила его за рукав.

- У меня там сестра. Сестра и две племянницы, маленькие совсем. Может, живые? Может, найдут ещё?

Рассказчик неловко обошел её взглядом, остальные вокруг него и вовсе старательно отворачивались.

Я ясно видела лицо этой немолодой растрёпанной женщины, её отчаянный взгляд, шарящий с мольбой и надеждой по лицам людей. На секунду мне даже показалось, что он остановился на мне, но нет, скользнул дальше. Но, несмотря на это, я не удержалась, тоже отвернулась, боясь глядеть на неё. Потом тихо скользнула меж рядов оцепления и спустилась немного вниз.

Возле уже успокоившейся воды суетились группы спасателей, но, судя по тому, как дергано и зло размахивал руками их командир, было ясно, что усилия тщетны.

Весь берег реки был покрыт изломанными и искореженными невероятной силой предметами. Мебель, куски стен с цветными обоями, черепица, какие-то рваные мокрые тряпки. И трупы. Люди лежали повсюду, словно бумажные куклы, сбитые с ног ураганом. Маленькие, беззащитные, неуместные. Спасатели копошились среди них, отыскивая живых, вытаскивали на носилках наверх. Дрожа, я медленно брела среди этого ужасающего пейзажа, словно тень.

- Смотрите, там тётя! – крикнул какой-то ребенок сверху. Взрослые повернулись, но, естественно, ничего не увидели.

- Это сама смерть ходит, собирает свою жатву, - пробормотал кто-то, уводя ребёнка.

Я вздрогнула, услышав, споткнулась о сломанный детский стульчик и остановилась.

Передо мной на спине лежал крупный мужчина. Лицо его было разбито, но кровь, наверное, смыло водой. Широко открытые глаза смотрели в небо. От невыносимого страха я проснулась.

Темнота вновь накрыла меня, когда в попытке убежать от страшного зрелища я широко распахнула глаза. Паника продолжала волнами накатывать, размазывая меня по реальности. «Это сон, просто сон», - твердила я себе. Куда ночь, туда и сон. Так мама учила.

«Это сама смерть собирает свою жатву», - вспомнила я. И вдруг расплакалась. За что так со мной? Это же был мой мир спокойствия. Мне там было хорошо, там не могло быть ничего страшного. А оно случилось. И как я теперь? Куда? Но новая мысль острым ножом оборвала предыдущую. Это же мой сон. Пусть не подчиняющийся мне, но мой. Он складывается так только

благодаря моим сумасшедшим мозгам. Значит, это я неосознанно убила их всех? В памяти снова всплыли фигурки людей на берегу. Казалось, если поднапрячься, я смогу увидеть даже их восковые лица. Меня затрясло. Это ведь не по-настоящему, просто сон. Почему-то не верилось. Теперь я боялась спать.

Мне больше нигде было прятаться, как улитке в раковине. На руках остались два разрушенных мира – настоящий и выдуманный. Я тихо встала и подошла к окну. В первое мгновение даже отшатнулась от мокрого весеннего ветра из форточки. Хотелось плакать. Впервые подумалось о том, что, возможно, я такая же марионетка чьего-то сна, как эти несчастные люди. Я тоже сломаюсь в любой момент, когда так решит хозяин. И вообще, лет через пятьдесят-сто будет неважно всё, чем я жила. Никому не нужные страдания, тоска по зелёному цвету листвы и глупые сны. Да и я сама буду благополучно забыта. И почему до этого ещё так далеко!

До утра больше не уснула. Разболелась голова. Хотела найти таблетку, но, перебрав наощупь коробочки в аптечке, с тоскливой злостью поняла, что не найду нужную. Лежала, свернувшись клубком и уперевшись головой в подушку. Так было легче пылающим вискам. Горло сжимала какая-то детская обида. Почему? Ну почему всё это со мной? Мне казалось, я уже прошла всё, прошла страх, ужас, истерики, стерлось то яркое и острое чувство потери жизни. Ан нет, всё заново. И теперь спастись нигде. За что я и боготворила свой сон, так это за то, что он не был похож на настоящую жизнь.

Несколько раз за день я ловила себя на каких-то механических действиях при полном отсутствии мыслей. Пока не разозлилась на саму себя. Что происходит, в конце концов? Совсем с ума схожу, снятся дурацкие кошмары, а я потом мусолю их, как впечатлительная дурочка. Может, мне пора к врачу? Может, на фоне постоянного стресса я просто съезжаю с катушек? Но почему-то передёрнуло при мысли, что о моём Городе придется кому-то рассказать. Слишком личным стал, слишком завладел мной. Я вспомнила вчерашние метания между сном и реальной жизнью и с раздражением отбросила сминавшуюся до того в руках подушку. Хочу, чтоб всё было как раньше.

После обеда зашла соседка. Они с мамой уселись пить чай на кухне. Я заглянула поздороваться.

- Здравствуй, милочка, здравствуй, - торопливо засюсюкала соседка. Я кожей чувствовала её жалостливый взгляд. Конечно, я же такое несчастье всей семьи, бедная инвалидка, несчастная девочка, подававшая ранее такие надежды, а теперь... Я криво улыбнулась и, легко касаясь пальцами стены, ушла к себе. Мозг привычно выбросил её из памяти. Она не исключение, я привыкла. Все соседи, сталкиваясь со мной в подъезде, очень громко и четко

здоровались. Испуганно так. И обходили за метр. Будто я не только слепая, но и глухая, и тупая, и заодно заразная. К спине липли взгляды. Было смешно до горечи под языком. Ничего, привыкла, уже практически не замечая.

Близился вечер. Привычного умиротворения не наступало. Я понимала, что не усну, до последнего сидела в гостиной слушала телевизор. Потом нехотя ушла к себе, но едва легла, перед внутренним взором всплыло мёртвое лицо мужчины на берегу. Я дёрнулась и чуть не вскрикнула. Господи, хоть снотворное пей! Или вовсе не спи... Город, милый, хороший, что я с тобой сделала? Что мне с собой теперь делать?

Ночь прошла в полудрёме, недостаточно глубокой даже для того, чтобы перестать думать, не говоря уже о том, чтобы видеть сны. На кухню выползла, только убедившись, что папа с братьями ушли. Не хотелось никому портить завтрак хмурым видом. Начнут сочувствовать, переживать, пытаться развеселить. А у меня снова появится нехорошее ощущение, что меня жалеют. Как недоразвитого ребенка. Лучше пережду у себя, вместе со своими многочисленными паранойями и плохим утренним настроением.

Наконец хлопнула дверь. Теперь слышно было звяканье одинокой чашки на кухонном столе. Мама давно не работала, уже лет десять. Здоровье было неважное, да и отец вполне справлялся с обеспечением семьи, пусть и такой большой. Спустя пару лет к нему присоединился Сергей, так что мама осталась с чистой совестью у плиты и стиральной машины.

- Доброе утро, - сказала она мне весело, - тебе чай или кофе?

- Кофе, - тут же решила я. – Доброе.

Шурша ароматным пакетиком, мама сказала:

- Знаешь, чего вчера соседка приходила? Радостью поделиться. Её Дина замуж выходит.

Я припомнила Дину, дочку соседки, громкоголосую и пышноформую деваху, года на два-три младше меня.

- И за кого? - я осторожно взяла наощупь чашку и втянула жаркий запах горьких зерен.

- За одного бизнесмена, - мама села напротив и чем-то звякнула. Наверное, ложечкой для сахара. – Прямо там такая неземная любовь, и всё у них замечательно. Так красиво расписывала, пока не проговорила, что Дина-то беременна. Вот и причина свадьбы.

Я пожала плечами – бывает, и тут мама неосторожно добавила:

- Все уже замуж повыходили. Даже Динка шебутная.

- Одна я осталась, - дополнила я.

Повисла пауза. Потом мама пробормотала:

- Я не это имела в виду. Просто хотела сказать, что вот и таким, как соседкина Динка везет на хороших женихов.

- Я знаю, - я отставила чашку. Сердце неприятно заныло. Довольно болезненная тема. Для меня, всегда привлекательной и следившей за собой, оказалось тяжело даже не знать, как я теперь выгляжу. Фигура определялась

наощупь, одежда с чужих слов. Распущенные волосы из причёски превратились в досадную помеху, и были теперь забраны в хвост. Косметику я выбросила в первый же месяц. Чтоб не плакать ещё и над этим. И кому я теперь нужна, и о каких парнях, отношениях, семье и детях может идти речь? Глупо. Это отрезано вместе с возможностью видеть.

Я молча отодвинула в сторону тёплое от кофе стекло чашки. Мама продолжила нарочито беззаботным тоном:

- Тётя Аля спрашивала, может, и ты на свадьбу пойдёшь? Там все будут очень рады тебя видеть.

Я хмыкнула, сдерживая раздражение:

- Все? Кто меня там знать будет, кроме Динки и её мамы?

- Она за Мишу Захарова выходит, - пробормотала мама. Я почувствовала, как она отворачивается. Повисшую неловкость глазами видеть было не нужно.

Сердце остро кольнуло. Мишка Захаров. Мальчик из нашего двора. Моя первая и страшная по своей отчаянности любовь. Человек, которому я отдала гораздо больше, чем ему было нужно. Больше, чем оставила себе.

Я закусила губу, через силу усмехнулась:

- Ну, совет да любовь. Я, конечно, не пойду.

- А, может, всё-таки..., - заикнулась мама. – Хоть развеешься.

- Развеюсь? - Я ещё дальше двинула по столу чашку, почти до противоположного края. – Продемонстрировать всем свое нынешнее состояние? Особенно бывшему парню. Мило улыбаться в пустое пространство, не видя, стоит там кто-то или нет, слушать бесперебойные предложения помощи в лицо и жалостливый шёпот за спиной? Стать главной достопримечательностью свадьбы? «Ой, посмотрите, вон там слепая. Да-да, вон та девица. А вы знаете, кто она? Бывшая подружка жениха. Да, вот так. Ай-яй-яй, как жизнь складывается». И это ты называешь развеяться?

Чашка не пережила очередного толчка. Глухой удар, звон, вибрация рассыпающихся осколков.

- Не трогай, порежешься, - вскинулась мама, хватаясь за полотенце. Но я уже присела, пальцами нашла мокрые теплые кусочки. Словно погибшего живого существа.

- Ерунда, - сказала мама, взясь с полотенцем. – Убери руки, вдруг там мелкие осколки. Всего лишь чашка, купим новую.

- Да, - медленно повторила я. - Купим. Только я уже не буду знать, как она выглядит. Никогда. А эту я помнила.

Минус ещё ниточка оттуда сюда.

Поднялась, нащупала стену кухни и вышла. Мама молчала. Я знала, что ей не легче, чем мне. Что она готова помочь мне чем угодно, но не знает, чем. Стена, за которой я укрылась от мира, оставила и её снаружи. Она боялась теперь сказать мне лишнее слово, неправильно построить предложение, чем-то обидеть, намекнуть на неспособность что-то сделать.

Боялась меня. Мне на секунду до одури, до накативших слёз, захотелось вернуться, обнять её, как в детстве, заплакать, сказать, что это по-прежнему я, её дочка, такая же как раньше. Мама, я не изменилась. Мама, мне очень плохо. Помоги мне, пожалуйста, помоги, обними, закрой от этого страшного мира. Я зажмурюсь и на секунду поверю, что слепота и боль мне просто приснились. Я маленькая, я прибежала к маме, испугавшись ночного кошмара, и сейчас её теплые руки разгонят его. И всё будет хорошо. Мама, ты единственная, кто может подарить мне вот такую минутку забвения. Минутку для отдыха, чтобы вдохнуть без хрипа в сжавшихся от постоянного отчаяния легких. Мамочка моя.

Стена не пустила. Сердце толкнулось об неё изнутри и притихло. Я была взаперти, не имея сил выбраться. Весь мир снаружи. Ну и пусть. Ничего уже не изменить, и я не буду больше плакать не от злости. И будут мои прежние друзья и знакомые жениться, выходить замуж, заводить детей, путешествовать, учиться. Жить. И лет через пятьдесят уже будет безразлично, была ли такая незрячая, о чём думала, как жила, чем дышала. Всё будет неважно. Поскорее бы.

Мама заглянула ко мне через полчаса. Сказала, что сходит в магазин. Я кивнула, села в кресло, подождала, пока хлопнет дверь. Спать хотелось невероятно. Раз уж мне нигде нет места, так чего бояться. Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Тёмные волны сна, спущенные с цепи, накрыли с головой, растворили в себе, укрыли и защитили от всего сразу. Я возвращалась домой, в Город.

Я присела на скамейку на знакомом бульваре, пахнущем полевыми цветами. Город, как и мой покой, был снова со мной.

Вдоль дорожек росли высокие деревья, мягко шелестели на ветру листьями. Люди прохаживались по белым плиткам дорожек, сидели на скамейках, разговаривали негромко, смеялись. Бегали, играя, дети. Взгляд машинально зацепился за мужчину напротив, через дорожку. Нет, не мужчину. Молодой парень. По возрасту как я, наверное. Ничего примечательного. Среднего роста, темноволосый, приятное лицо.

Я отвернулась и тут же забыла о нём. Не хотелось ни о чем думать. Было ощущение, что я вернулась домой. Мне показалось, что ветерок тихо гладит меня по щеке.

- Ты тоже рад, что я здесь? - спросила я вполголоса. – Я знаю. Ну что, что с тобой было в прошлый раз?

Я, естественно, не ожидала ответа. Вздохнула, бездумно скользнула взглядом. И застыла.

Парень на скамейке напротив смотрел на меня. Внимательно смотрел, слегка удивленно. Как смотрят на человека, внезапно на ваших глазах заговорившего с самим собой.

Я смотрела на него, он на меня. Наконец взгляды расцепились, он глянул куда-то мимо, уже без интереса, а потом и вовсе опустил голову. Я поднялась и зашагала прочь. Неужели снова неприятные сюрпризы? Мой тихий, спокойный Город, мой мир защиты и успокоения, ты ли это?

Всё, кажется, вернулось на место. Дни стали временем ожидания, ночи временем жизни. Привычный за последние годы ритм успокаивал, возвращал уверенность. Город ждал меня. Рыжее небо выливалось струйкой в чаши его дворигов, стекло расплавленными каплями по стенам домов. Деревья шумели листвой в потоке ветра, цветочные ароматы толстыми кольцами лежали на земле, при малейшем ветерке расплываясь невидимой сетью. Однажды я попала под дождь. Он начался внезапно, будто наверху включили душ. Звонкие струйки забарабанили по плиткам мостовой, по зелёной листве, по спинам и головам людей. Те начали разбегаться в поисках укрытия. Посередине улочки, внезапно пропахшей свежестью, остались я и местные городские пичужки. Они галдели, купаясь в быстро появлявшихся лужах, а я просто стояла, запрокинув голову. Одежда промокла вмиг, но холодно не было, дождь был тёплый и ласковый. Капли нежно трогали лицо, скатывались по ресницам. Мне хотелось смеяться. Такого ощущения беззаботной лёгкости у меня не было с детства. словно дождевая вода смывала тело, оставляя только невесомую и прозрачную душу, стремящуюся вверх, к свету и облакам.

Я слизнула капли с губы и оглянулась. Под аркой ближайшей ко мне уличной беседки пряталась от дождя молодая мама с дочкой лет двух. Дитё внимательно разглядывало меня сейчас, насупив бровки. Я подмигнула ей и улыбнулась. Девчушка подумала секунду и возбужденно затараторила что-то на своем детском языке, состоявшем, в основном, из звуков «а», «и», «уа», «ма», «я-я» и им подобных. Молодая женщина вздрогнула, глянула в мою сторону, куда таранилась малышка, недоумённо улыбнулась и пожалала плечами. Я рассмеялась, помахала девочке рукой и зашагала по вспыхивающей фонтанчиками воды мостовой. Мне было невероятно хорошо.

Я проснулась с улыбкой. Несколько секунд перед открытыми уже глазами дрожала яркая картинка, борясь с темнотой. Залитая весёлыми брызгами, лучами солнца и мокрым, остро пахнущим воздухом улочка. Каменные потемневшие плитки мостовой. Смешные люди, ёжащиеся от прохладных капель и беззлобно ругающие погоду. Взлетающие с тонких башенок, трогающих небо, птицы. Я понимала, что уже никогда не смогу без всего этого. Я, как стакан водой, наполнена пьяным чувством этого странного места, я, как наркоманка без дозы, не могу без его свободы и ритма жизни. И мне тяжелее потерять его, мой сон, чем настоящую жизнь. Если у меня не станет Города, я закончусь. Я не перенесу этого.

Эта мысль, уже не раз приходившая ко мне, как обычно слегка испугала. Страшно осознавать свою сильную зависимость от того, чего нет и не будет никогда. Потом я коснулась волос пальцами. Мне показалось, что они влажные и пахнут дождём. Я опять улыбнулась. А какая, по сути, разница? Может быть, вокруг вообще нет и не будет ничего, и любая привязанность страшна и опасна. Поздно бояться. Да и все равно ничего не изменить.

Так прошло две недели. Привычная колея. Однажды с утра, когда я вышла к завтраку, папа положил мне руку на плечо и задумчиво сказал:

- Надо же, как ты выросла. А я, как обычно, всё пропустил. А помнишь, когда ты была совсем маленькая, ты приносила к завтраку свою куклу? Страшненькую такую.

- Папа, - я рассмеялась, наощупь двигая табуретку. - Ты чего вспомнил? Это же было сто лет назад. И не была моя Ляля страшной.

- Была, была, - немедленно встрял Славка. – Я её даже боялся.

- Да ты вообще трусишкой рос, тебе было всё равно, чего бояться, - отмахнулась я.

- Ты ещё поила её только из своей кружки, - продолжил отец. – Такой керамической, с мультяшными собачками.

- Которую я потом случайно разбил, - мрачно буркнул что-то жующий Сергей.

- Ты? - Возмутилась я. – Вон оно когда открывается! А я так плакала!

Он фыркнул, встал, и в ладони мне неожиданно лёг тяжёлый предмет с ручкой. Чашка.

- Вот, решил исправиться. Такая же самая. Вместо разбитой.

- Спасибо, - пробормотала я, не зная, плакать или смеяться.

Все эти ночи, бывая в Городе, я ни разу не приближалась к реке. Просто было страшно. И этот страх маленькой капелькой яда отравлял душу. Погружаясь в сон, как в воды тихой реки, я загоняла вглубь неприятное ощущение, делала вид, что его нет. Но долго тянуть так было невозможно. Я решила.

Следующей ночью я шагала по улицам города с чёткой целью. Это было странно – идти, не повинуюсь мимолетному порыву и пряному аромату ветра, а зная, куда ты двигаешься. И для меня, и для Города это было в новинку. Парк, тенистые аллеи, цветы по обочинам дорожек в живописном беспорядке. Небольшой стадиончик, где играют дети. Я присела на скамейку для зрителей и поманила рукой парнишку лет десяти, скучавшего, пока его друзья гоняли мячик. Причина была очевидна – нога мальчишки была

аккуратно забинтована в колене. Он улыбнулся в ответ на мой жест и медленно подковылял.

- Привет, - сказала я. - Что с ногой?

- Привет, - сказал мальчик, глядя мне в глаза. – Упал вчера. Мама забинтовала, теперь вот играть не могу.

- Ничего, - утешила я. - Пройдёт. А ты здесь живешь?

- Вон там, - он махнул рукой куда-то мне за спину. – У нас окна прямо на парк выходят.

- Ясно, - я помолчала, а потом решила. – А ты можешь мне помочь?

Он кивнул и я продолжила.

- Тут у вас недавно река разлилась. Правда? Расскажи мне, пожалуйста.

Лицо мальчика погрузнело.

- Да, - вздохнул он. – Там много кого погибло. Ночью ка-а-ак вырастет волна, ка-а-ак зальёт берег.

Сердце моё сжалось. Значит, правда. Не было это посторонним сном, кошмаром. Всё это было.

Глядя на моё, наверное, сильно изменившееся лицо, мальчик вдруг положил свою тёплую ладонку поверх моей, вцепившейся в край скамьи.

- Тётя, а у вас там кто-то пропал, да? - сочувственно спросил он. – Так вы ходите к охранным постам на набережной. Они списки составляют, кто погиб, кто потерялся, кого нашли. Может, и вам помогут.

- Спасибо, - я нашла в себе силы улыбнуться, погладила добровольного помощника по голове и встала, зашагала в ближайшую аллею. Под каблуками скрипел мелкий гравий. Это было. Река, разбросанные по берегу вещи, вывороченные плиты набережной, глаза мертвого мужчины. Было. Было! А, значит, может повториться в любой момент. И, созданные моим сознанием, могут гибнуть вот такие мальчишки, как этот, с забинтованной коленкой. Могут разрушаться дома. Всё может быть ещё хуже, чем в моей реальной жизни. Просто потому, что я больна. Мой мозг болен, и теперь, вместо покоя и защиты, как раньше, он создает ужасные картины и заставляет меня их смотреть. Я схожу с ума.

Я сжала виски ладонями в отчаянии. И начала проваливаться в тёмный туман. Просыпаюсь. Не знаю теперь, хочется мне этого или нет.

Вздоргнув, я открыла глаза. Какое-то мгновение передо мной ещё стояла яркая цветная картинка, буквально долю секунды, затем исчезла, и мозг переключился на привычную темноту. Отстраненно проплыла мысль, что я ей даже немножко рада. Она делает выбор за меня. Так проще.

Полежав ещё немного, я поняла, что не усну. Пробралась на кухню, попила воды. Не уходило никуда тревожное ощущение незавершенности чего-то, словно бросила на полпути какое-то важное дело.

Мне вдруг до спазма в горле захотелось на улицу. На воздух, мокрый от недавнего дождя. Кружилась голова. Вдруг подумалось, что, возможно, я выйду на улицу здесь, в своём мире, а окажусь в том, другом. Ведь не может

быть, чтобы он так ярко, выстроено, неизменно существовал только в моей голове.

Почти не соображая, что делаю, я выскользнула за дверь. Тихо, никто не проснулся. С тех пор, как я сама стала жить на звук, я быстро научилась понимать, как те же звуки могут слышать другие. Это оказалось просто.

Я распахнула дверь подъезда и шагнула в волну холодного ночного воздуха. Капли мелкого морозящего дождя хлестнули по лицу. И я очнулась. Ничего не изменилось. Не было никакого другого мира. Сон был сном. Вокруг было темно. И пахло мокрой сиренью.

Я прислонилась спиной к подъездной двери и закусила губу. Боль в груди была настолько острой, что даже не казалась моей собственной. А ещё у неё был сладковатый привкус. Настойчиво пахла сирень. Я вдруг подумала, что есть вещи, которые связывают меня с этим миром, несмотря на прелесть каких-то других. Например, этот запах.

Нащупав мокрый, почти упирающийся в дверь куст, я осторожно отломала веточку. Поднесла к лицу, вдохнула свежий сладкий аромат. Зажала в пальцах, как последнюю соломинку для утопленника. Вот она была настоящей, она, а не мой дурацкий сон. И вообще, мне пора к психиатру. Наверное.

Поднявшись в квартиру, я переоделась в сухое и легла. А ветку сирени положила на подушку рядом. Мне показалось, что её запах защитит меня от несбыточных мечтаний и разочарований в них. И уснула без снов.

Я спускалась вниз, постоять у подъезда, теперь почти каждую ночь. Свежий весенний воздух гасил пылающие мысли и охлаждал голову. Город снился урывками. Посещения его не доставляли прежнего счастья, я металась по его улицам и площадям, словно раненая тигрица. Словно искала что-то, сама не зная, что. Казалось, Город тоже тоскует. Улочки были пустыми, ветер не шумел в деревьях. Всё было не так, как раньше. Я просыпалась, ворочалась, грызла ногти, как в детстве. Уснуть не удавалось. Я ругалась про себя, вставала, одевалась и тихо выходила из дома.

В очередной раз постояв, подышав весной и успокоившись, я поднималась в квартиру. И услышала шаги на лестнице внизу. «Забавно, кто это, кроме меня, бродит по ночам», - мелькнула первая мысль. Но шаги быстро приближались, и я вдруг испугалась. Одна, в пустом подъезде, не видя, что происходит вокруг. Я сжалась в комок, закусила губу, чтобы не кричать. Человек дошёл до площадки второго этажа и стал подниматься на третий, туда, где стояла я. Он шёл сначала быстро, потом всё медленнее и медленнее. Я поняла, что меня заметили. Я стояла, прислонившись спиной к подоконнику. Человек стоял на последних ступеньках лестницы и молчал.

- Интересно, - наконец сказал он едко. – Что ты тут делаешь? Да ещё в такое время?

Голос был слишком уж знакомым.

- Сергей? - промямлила я.

- Нет, его призрак, - фыркнул брат. – Ты, я спрашиваю, чего здесь делаешь?

- А ты? - я перешла в наступление. Он умолк и вздохнул.

Мы сидели прямо на ступеньках в подъезде. Тянуло сквозняком, и Сергей постелил мне свою куртку. Слова падали как пёрышки из подушки, лёгкие, невесомые, кружились в воздухе, мягко ложились между нами.

- Её Юля зовут, - Сергей, судя по звуку, откинулся на перила. – Когда-нибудь я вас познакомлю

- Не будешь стесняться? - прямо спросила я. Сейчас не хотелось быть тактичной и обходить острые вопросы.

- Чего? - удивился он.

- Не чего, а кого. Меня. Я же не такая, как все.

Он помолчал немного, потом спросил очень серьезно:

- А ты считаешь, что тебя из-за этого нужно стесняться?

- Ну да.

- Бред, - отрезал он в своей обычной решительной манере. – Бред. Что, собственно говоря, с тобой не так? Не придумывай. Юльке ты понравиться, я уверен. Вы чем-то похожи.

- Как она тебя терпит? - фыркнула я. – Если мы хоть чем-то похожи, то это удивительно.

- А со мной-то что не в порядке? - возмутился брат. – Чем я тебя не устраиваю?

Да всем он меня устраивал. Просто был всегда для меня чем-то недостижимым. Слишком взрослый, слишком серьёзный, мало внимания обращавший на назойливую сестрёнку. Не так уж и много раз за всю жизнь он со мной разговаривал. Я вдруг подумала, что ведь вот так, просто, как с равной, как с сестрой и близким человеком, вообще впервые. Стоило стать слепой сумасшедшей, чтобы это произошло. Стоило?

- Просто у тебя тяжёлый характер, - я обняла колени, подтянула их к подбородку. – Так мама говорит.

- Давай я не буду озвучивать, что она говорит про тебя, - хмыкнул он.

- А про твою Юлю она знает? И про поздние возвращения? Все ведь думают, что ты работаешь.

- А про твои побеги по ночам? - ответил он вопросом на вопрос.

- Понимаешь, что я предлагаю? - я поерзала на ступеньке, размещая поудобнее затекшие ноги.

- Шантажистка, - вздохнул Сергей. – Ну, хоть расскажи, где ты была, чтоб я не беспокоился.

- Стояла у подъезда, дышала воздухом.

- Гулять хочется? - сочувственно спросил он. Его голос напомнил мне своей интонацией голос мальчишки из Города, того, которого я расспрашивала про наводнение.

- Хочется, - честно сказала я. – Воздуха не хватает. Плохо мне.

И саму удивили эти вырвавшиеся слова. Как признание. И себе, и ему, такому, по сути, далёкому человеку. Словно отдала частичку этого «плохо». А он принял, подержал в невидимых ладонях и спрятал где-то у себя.

- А днём никак?

- Нет, - так же честно сказала я. – Не могу.

- Не настаиваю, - он снова вздохнул. Помолчал, потом предложил:

- Хочешь, буду приходить и гулять с тобой?

- Не знаю, - растерялась я. – Ты же занятой.

- Ага, - сообщил он мне грустно. – Слишком. А ты слишком много себе надумываешь. И сбегает по ночам. Слишком самостоятельная. Всё у нас слишком что-нибудь. А результат...

За окном подъезда прошуршали колеса машины. Крадущийся такой звук, очень подходящий для ночи.

- А почему ты скрываешь свою девушку от родителей? - спросила я. – Тут, вроде бы, нет ничего страшного. Ты взрослый, сам давно всё в своей жизни решаешь. Боишься, что не понравится?

- Нет, - отозвался он. – Уверен, что понравится. Просто хочу сначала сам определиться. Когда решу, что вот, это и есть любовь всей моей жизни и ничего другого мне не надо, тогда и познакомлю.

- Странные вы, мужчины, - я фыркнула. – Любовь, на всю жизнь, а потом утверждаете, что это женщины эмоциональные и замораживаются романтическими бреднями.

- Мы все одинаковые, - усмехнулся Сергей. – Просто женщины не пытаются это скрывать. А ты что, не веришь в романтические, как ты сказала, бредни?

- Не знаю. Наверное, нет.

Пауза. Какая-то неловкая, словно мы затронули что-то очень чувствительное, нежное, тоненько и жалобно зазвеневшее.

- Ты тогда сильно переживала? Ну, когда с Мишкой эта история была? – брат спросил осторожно, и я поняла, что, стоит мне только нахмуриться, закусить губу, хоть как-то продемонстрировать, что тема болезненная, и он больше никогда её не поднимет.

- Нет, - честно сказала я. – Я не переживала. Я сгорела. Полностью. Ничего внутри тогда не осталось. Жить не хотелось.

Снова пауза.

- Мы со Славкой, когда узнали, что он тебя обманул, всерьёз планировали идти бить ему морду, - вдруг чуть смущённо признался Сергей.

- Что планировали? – я чуть челюсть не потеряла, похлопала глазами несколько секунд, потом расхохоталась. – Ну, вы даёте!

- А ты думаешь, нам приятно было смотреть на тебя тогда? – ворчливо отозвался он. – Ты не спала, не ела, не разговаривала. Мне кажется, у всей семьи было желание убить этого козла.

- Как выяснилось, это было не самое страшное испытание в моей жизни, - сказала я и улыбнулась через силу. Была тема болезненной, была, грызло что-то внутри, не отпускало, не уходило с годами.

- Жалеешь? – тихо спросил Сергей. И я поняла, о чём он.

- Жалею. Себя. Живую, настоящую, искреннюю. Нет больше такой. До истерики жалею. Словно умер кто-то. Хотя, почему словно?

- Может, не надо жалеть? – спросил он. – Идти вперёд, а там...

- Что? Что у меня впереди? Годы темноты, - я скривила губы, чувствуя, как тёмной волной накатывает прежнее безысходное отчаяние, требующее биться головой о стену, быть раненым зверем, ломать пальцы, выцарапывать проклятые глаза. Задохаться от ненависти к жизни. Кричать. За что? Почему я? Кто так решил? За что?

Тугая петля непрорвавшихся рыданий знакомо сдавила горло. Я сглотнула и встала.

- Пойдем, а то кому-то с утра на работу, - сказала я. Сергей тоже поднялся, поднял куртку.

- Знаешь, - неуверенно начал он.

- Знаю. Миша женится. Совет да любовь.

Мой голос был спокойным, но мы оба знали, чего стоит такое спокойствие.

Уже возле двери в квартиру я вдруг решила.

- Серёж, а у тебя нет знакомого психолога? – спросила я. Он остановился, и я почувствовала, что он внимательно на меня смотрит.

- Тебе зачем?

- Кошмары мучают, - я даже не соврала. – Хочу получить консультацию.

- Ну, есть, - подумав, сказал он. – Хороший парень, на психиатрии специализируется.

- Спасибо, - фыркнула я. – Мне, по-твоему, не психолога надо, а сразу психиатра?

- Да какая разница, это почти одно и то же, - отмахнулся он. – К тому же, это единственный мой знакомый в подобной области. Мы с Димкой в бильярд раньше вместе играли. Завтра позвоню ему. Если свободен, завтра же и съездим.

- Спасибо, - сказала я. Потом протянула руку, коснулась сначала его плеча, потом кончиками пальцев нашла щеку, поднялась на цыпочки и быстро чмокнула.

- Да не за что, - слегка растерянно ответил он.

Я нащупала вставленные в замочную скважину ключи, повернула, проскользнула в приоткрывшуюся дверь. На пороге своей комнаты обернулась туда, где слышала его дыхание, и прошептала:

- Спокойной ночи.

И, не дожидаясь ответа, прикрыла дверь.

Мы отправились утром. У Сергея был выходной, и он, не откладывая дело в долгий ящик, прямо с утра и позвонил этому своему приятелю. Всё это он сообщил мне, пытаясь разбудить посредством тряски за плечо. А также то, что тот ждёт нас через полчаса, чтобы успеть спокойно поболтать до ухода на работу, так что надо шевелиться.

Соображала я туго. Город плохо отпускал меня, к тому же я проспала слишком мало из-за ночных разговоров. Долго одевалась, умывалась, так что кофе пришлось пить на ходу. Домашних, кажется, очень удивило моё неожиданное утреннее бегство, да ещё в компании старшего брата. Сергей небрежно бросил, что повезёт меня прогуляться, раз уж он сегодня ничем особенным не занят. Но было непохоже, что это кого-то убедило.

Мы быстро добрались до места, поднялись по высокой лестнице. Кажется, третий этаж. Постучали в какую-то дверь. Мне было невероятно неудобно, я споткнулась о порог. Сергей поймал меня, а откуда-то сбоку донеслось взволнованное:

- Ой-ёй-ёй, осторожнее! Давайте, я помогу!

Чьи-то руки тут же вцепились мне в локоть, принялись не то тащить, не то толкать куда-то. Я чуть не взвыла от злости. Ну что, так трудно сделать вид, что вы ничего не заметили?

- Спасибо, мы сами, - сказал Сергей, высвобождая меня из чужих заботливых рук и заодно отцепляя мои пальцы, впившиеся ему в локоть.

Психолог оказался человеком с приятным голосом. Я предположила, что лет ему приблизительно столько же, сколько и Сергею.

- Ну, я пошел, - сказал брат, запихнув меня в кресло. – Димка, смотри, не обижай мне мою сестру. Помни, что ты женат. А я приеду через часик её забрать.

- Не опоздай, шутник, - весело отозвался Дмитрий. – А то мне ещё работать надо.

Дверь за братом закрылась. Мы помолчали. Я чувствовала, что мне надо собраться с мыслями, он, наверное, как специалист, это понимал.

- Я, очевидно, зря пришла, - пробормотала наконец я.

- Почему? – спросил он с явным и неожиданным интересом.

- Ерунда всё это. У меня глупая проблема.

- Ну, давайте я сначала послушаю, а потом скажу вам, глупая она или нет. Расскажите мне, с чем вы пришли, - сказал он спокойно и, судя по звуку, уселся напротив меня.

- Понимаете, - медленно начала я. – Мне снится сон...

Сама идея кому-либо об этом рассказывать уже казалась мне бредовой, но я заставляла язык шевелиться. Раз уж пришла.

Психолог помолчал с минуту после окончания моего рассказа, затем мягко спросил:

- А вы хотите избавиться от этого наваждения?

Я нерешительно кивнула.

- А зачем? – снова спросил он.

- Мне больно, - честно сказала я. – В последнее время я слишком часто мучаюсь от осознания того, что это наваждение нереально. Знаете, как жутко быть здоровой и счастливой, а потом открывать глаза и осознавать, что это был лишь сон.

- Простите, а как вообще это случилось? – осторожно поинтересовался он.

- Машина сбила, - кратко сказала я. Он снова помолчал, потом заговорил:

- У каждого человека свой механизм защиты от стрессов. Кто-то начинает пить. Кто-то выражает свои эмоции агрессией или каким-то неадекватным поведением. Вы стали уходить в иллюзии, в сны. Придумали себе другой мир, другое место, где всё так, как вы хотите, где вам хорошо и удобно скрываться от жизни.

- Но даже там не всё так, как я хочу, - сказала я с отчаянием. – Кошмары вот эти.

- Да, - спокойно согласился он. – Подсознание, недовольное тем, что происходит, не успокаивается.

- Что мне делать? – спросила я.

- С кошмарами или с причиной?

Вопрос оказался неожиданным. Но, посоображав секунду, я признала, что он справедлив.

- И с тем, и с другим.

- Тогда так, - Дмитрий зашуршал чем-то на столе. – От кошмаров попробуем лёгкое снотворное. Не должно вообще ничего сниться. Да и увеличить количество часов сна явно не помешает. Судя по вашему рассказу, спите вы мало. Сейчас напишу название препарата, отдадите Серёге, пусть купит в ближайшей аптеке.

Он пошуршал и поскрипел ещё немного, придвинул листок бумаги к моим пальцам, лежащим на столешнице. Так, чтобы я его почувствовала.

- А что касается причины... - он побарабанил по столу, скрипнул стулом. – Боюсь, единственный выход тут – учиться принимать сложившуюся ситуацию. Жить той жизнью, которая у вас сейчас есть. Искать плюсы. Не бояться двигаться вперёд.

- Думаете, это возможно? – я криво усмехнулась.

- Уверен, - твердо сказал он. – Нужно понять и поверить, что жизнь не закончилась. Только тогда отпадет необходимость искать убежище в нереальном.

Мы снова замолчали. Наверное, он чувствовал, что не убедил меня.

- Запишите мой телефон, - сказал он мягко. – Иногда нужно с кем-то поговорить. Лучше всего со специалистом. Запишите и звоните, не стесняйтесь. И давайте попробуем сначала отдохнуть от кошмаров. Просто выспаться по-человечески. Возможно, это наведёт на правильные мысли.

- Спасибо, - пробормотала я. Он был прав. Я устала. Я хотела просто отдохнуть. А потом можно будет думать.

Купленные по дороге домой таблетки я положила в карман и периодически зачем-то ощупывала коробку. Снотворное. Не так уж и плохо. Я не сумасшедшая, прекратятся мои кошмары, недоверие к собственным снам и творящемуся у меня в голове. Прекратится Город. Буду ли я скучать? Наверное, буду. Господи, да я вообще не хочу оставаться без него! Я просто хочу, чтобы всё было как раньше. А мозг соглашается с Дмитрием и твердит, что это бегство. Я устала. Я, наверное, никогда не смогу принять жизнь такой, какая она есть, какая она сейчас. Как бы этого не требовалось.

Я ещё раз погладила коробку со снотворным, вспомнила свои мучения пару недель назад и вздохнула. Мне тогда казалось, что я схожу с ума, голодаю, умираю от жажды, задыхаюсь без воздуха, без моего Города. И я смогу перенести всё это снова? Теперь уже не на двое суток, а насовсем? Я не знала.

Подумалось вдруг, что так неожиданно приятно и тепло оказалось общаться со старшим братом. Мне даже в голову не приходило, что мы можем так запросто разговаривать, иметь общие секреты, прикрывать друг друга, предлагать и иметь возможность оказать друг другу помощь. Тогда, забирая меня у психолога, он легко вытянул у меня листок с названием, заехал в аптеку, купил и молча отдал мне препарат. Он ни о чем не спрашивал, ничего не комментировал. И мне было от этого легче. Молчание часто ценнее самого сердечного участия. Мне хотелось именно молчания. Он это понимал.

И была ещё одна вещь, сильно облегчавшая наше общение. По крайней мере, с моей стороны. У нас было мало общих воспоминаний. Если только детские, но они терялись в розовой дымке и казались скорее сказкой, рассказанной когда-то на ночь, чем реальными событиями многолетней давности. И это было хорошо. Я боялась воспоминаний, откровенно боялась. Каждое из них напоминало о том, что этого больше не будет. Не гулять больше с мамой по магазинам, придирчиво выбирая что-нибудь симпатичное. Не строить глазки папиным возрастным сослуживцам, забегая изредка к нему на работу. Не бродить в одиночестве по парку, разглядывая синее небо. Причитания по самой себе. Страх вспоминать. Наше общение с

Сергеем это не затрагивало. В последние лет десять, если не больше, мы ничего не делали вместе.

Под вечер я решила. Будь что будет. Выпила снотворное и пораньше легла. Нужно делать хоть что-то. Если не делать ничего, эта ненормальная ситуация сделает что-нибудь со мной. Например, вгонит в гроб.

Снотворное оказалось действенным. Я уснула быстро. И мне совсем ничего не снилось. И гулять я этой ночью не ходила как, впрочем, и следующей. И следующей. А потом меня накрыло.

Я открыла глаза от ощущения страшной звериной тоски. Я знала, по чему тоскую. Сон теперь был просто состоянием организма, а вот чему-то большому и яростному внутри некуда было деться. Я скучала по Городу. Он звал меня, звал непрерывно и властно, как хозяин.

- Ты совсем перестала есть, - обеспокоенно заметила мама за завтраком. Оказывается, я уже добралась до кухни и заняла любимый стул. Интересно, а доброго утра уже желала?

- Я не хочу, спасибо, - пробормотал я, вцепляясь, как тонущий в соломинку, в чашку кофе. Внезапно очень захотелось сигарету. Я не курила, хотя и пробовала несколько лет назад. Я поёжилась.

- Ты хорошо себя чувствуешь? - допытывалась мама. – Бледная, как смерть. Может, тебе начать гулять почаще? Или витаминов попить?

Я тут же припомнила частоту своих прогулок, ночных, то по лестнице подъезда, то по чужим мостовым под чужим небом, и хмыкнула.

- Со мной всё в порядке, - соврала я. Мама вздохнула. Не поверила.

Семья разошлась по своим делам. Ещё один день. Раньше он был прелюдией к ночи, ожиданием встречи, прологом к новой главе. Всё стерлось и сравнялось. Время суток, не больше. Без цвета, без чувства, без магии. Ночи стало незачем ждать. Как же я скучаю по Городу.

Я бродила раненым зверем. За окном стояла поздняя весна, и её пульсация окончательно выматывала меня. Отвлечься было нечем. Я боялась выйти из своей комнаты, чтобы не встретиться с мамой. Я боялась, что не выдержу и начну кричать на неё, просто из-за переизбытка напряжения. Казалось, невидимый для меня дневной свет режет глаза.

Я не знаю, как дождалась вечера. Снова выпила таблетку и легла. И в эту ночь мне снилась тревога. Чёрные мечущиеся тени. И никого. Мне было плохо. Ночь становилась хуже дня. Я вынырнула из неё задыхающаяся, в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. Мелькнула слабая радость, что вообще проснулась. Я села на кровати, пригладила руками волосы и попыталась прийти в себя. Интересно, может, это эффект таблеток? Может, я слишком много их пью? Инструкцию прочесть я не могу, а, кроме Сергея, никто вообще не знает, что я их принимаю. Ладно, поймаю его сегодня после работы и попрошу почитать.

Очень хотелось кофе. Просто до треска в голове, похожего на электрические разряды. Я добралась до кухни и обнаружила там только младшего брата. Спрашивать, куда делись все остальные, не хотелось, как и вообще разговаривать.

Я нашла на плите спички, неловко чиркнула одной по коробку.

- Тебе помочь? – спросил сидящий за столом Славка.

- Не надо, - буркнула я вяло. Какой-то механизм внутри, заставляющий проснуться, прийти в себя, начать думать и действовать, никак не запустился.

Рука дёрнулась непроизвольно, когда спичка всё же зашипела, загораясь. Пальцы сами собой разжались, и моё лицо обдало обманчиво приятным теплом. Завоняло палёным.

Славка откинул меня от плиты одним движением, зашумела вода, запах гари резко усилился. Я внезапно выпала из анабиоза, мозг захватила паника, злость, стыд. Я наощупь вцепилась в руку брата.

- Что? Что случилось?

- Кухонное полотенце пало смертью храбрых, - мрачно отозвался он. – А вообще, если тебе не нравятся обои на кухне, просто скажи об этом. Не пытайся больше расправиться с интерьером столь кардинально, ладно?

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони и звеняще-срывающимся голосом крикнула:

- К черту обои! Мне всё равно, какие они, я их не вижу, забыл?

Мне хотелось броситься на него, молотить кулаками, кричать, что никому не нужны его дурацкие шутки, что он не смеет говорить мне подобных вещей, что я его ненавижу. Всё сразу хотелось. Вместо этого я разрыдалась. Наступила вязкая тишина.

- Я же не в том смысле, - пробормотал Славка растерянно и как-то даже со страхом. – Я не то имел в виду. Ну, прости.

Пауза была словно болото, вязкая и непроходимая.

Я закусила губу и попыталась успокоиться. Всё было не так.словно два мира, живущие во мне, были сообщающимися сосудами. Неправильность, родившаяся в одном, перетекала в другой. Нет, не перетекала. Между ними была я, и я сама переносила настрой из одного в другой. Эта мысль пришла ко мне какой-то чужой и спокойной горечью.

- Эй, ты где, - донесся обеспокоенный голос Славки. – Ты здесь?

- Я не здесь и не там, - сказала я. Не соврала даже. – Слушай, сделай мне кофе, а?

- Сейчас, сейчас, - облегченно засуетился брат. – Без проблем.

Через десять минут запах палёного полотенца заменился ароматом кофе, перед моим носом оказалась чашка, а Славка присел рядом. Я молчала, поглаживая горячую керамику осторожными движениями.

Брат тоже помолчал, потом спросил:

- Глупо пошутил, да?

Я мотнула головой. Он ещё более нерешительно продолжил:

- Трудно тебе теперь?

- Не знаю, - неожиданно для самой себя ответила я. Честный ответ на честный вопрос. – Вряд ли это так называется. Слово не то. Живешь словно на стыке жизней, той и этой, забываешь иногда, что не видишь, и каждое очередное открытие этого как капля яда. Ни там, ни здесь, а в результате словно и не живёшь вовсе.

Мы снова помолчали. Потом мою руку внезапно накрыла его тёплая ладонь. Славка сказал, осторожно подбирая слова:

- Я не очень умею говорить то, что нужно. Вообще глупо говорить, что ты не одна. Блин, да вообще глупо всё это... - он снова завис в поисках слов.

- Не надо, - сказала я. – Я всё понимаю. Спасибо.

Славка неловко и неопределенно хмыкнул и поспешно вышел. Я осталась сидеть со своим так и не тронутым кофе. Словно что-то надломилось внутри. Ничего уже не хотелось.

Мне нужно было одиночество. Нужно, как воздух, как вода умирающему от жажды. Мне нужно было никого и ничего не слышать, любое движение мира ранило так, будто у меня снята кожа. Я едва дождалась, пока за дверью моей комнаты установится тишина. Все куда-то разошлись. Я присела в кресло у окна. Отдышаться, взять себя в руки. Нельзя так нервничать, кидаться на близких...

Я не успела додумать. Звонящая, словно комар, темнота накрыла мозг, одним изящным движением вытряхнув из него все мысли.

Я стояла на знакомой улице. Вокруг был ясный день. Облегчение, как от неожиданно обнаруженной ценной потери, накрыло меня. И тут же схлынуло. Что-то было не так. Некое напряжение медленно разливалось в воздухе, тягуче и неотвратимо. Кровь гулко застучала в висках. Я заражалась этим нехорошим ожиданием. Город, как большое животное, вздрагивал, сторожко поводил ушами и принюхивался к аромату беды.

Ноги сами понесли меня вперёд. Узенькая улочка свернула, потом ещё и ещё. Я знала этот район, здесь был настоящий лабиринт из милых домиков с висячими клумбами, цветных заборчиков и скверов. Я любила здесь гулять, но сейчас всё внутри требовало выбраться на широкие улицы побыстрее.

Ещё два поворота. Улица, ведущая к центральной площади. Другая, параллельная ей. Куда я бегу? Еще немного...

Я увидела толпу. Сначала толпу. Дальний от меня край суетился и кричал. Ближние же ко мне люди стояли молча. И лица у них были нехорошие.

Я остановилась. Мне не было видно, что там, впереди, но я слышала разговоры в толпе и понимала, что, стоит подойти ближе, и всё станет ясно. Я боялась. Боялась увидеть и узнать то, что видела тогда на реке.

Что-то мешало мне, я никак не могла понять, что, какая-то мелочь, неприятная, но не главная. И, только когда до меня донесся голос из толпы «большой пожар» я поняла, что это. Запах гари.

Толпа внезапно расступилась, отхлынув, люди оказались рядом со мной. И я уже не могла не слышать.

- Всё сгорело. Жалко, - бубнила пожилая женщина за моим плечом. Ей отзывалась другая.

- Да, жалко. Говорят, все погибли.

- Почему все? - перебил её ещё чей-то голос. – Девчонку спасли. Она во дворе играла. Вон, ведут её. Родственники заберут, наверное. А остальные да, погибли...

Мимо нас шли местные пожарники. Трое хмурых, в копоти и грязи, дядек. За ними несли носилки. Один из дядек вёл за руку девочку лет шести.

Она тоже была в саже, платье изорвано и перепачкано, одна косичка расплелась. Малышка еле переставляла ноги, прижимая к груди обгорелую фигурку какого-то игрушечного, некогда пушистого зверька. Я глянула на неё и застыла. У маленького ребенка было лицо старого человека.

Будто почувствовав мой взгляд, девочка подняла голову и встретилась со мной глазами. У меня застучали зубы. Это были страшные глаза, пустые и безжалостные. В них не было больше ребенка. В них не было ничего. Глаза мёртвой рыбы более живые. Лучше бы девочка плакала.

Она шла и смотрела на меня. А я на неё. И внутри меня поднимался крик. Крик обезумевшего от страха существа. Я знала, что она смотрит на меня и меня видит. Я знала, что это я виновата в случившемся. Утро, проклятое кухонное полотенце, запах гари, такой же, как сейчас. Я убила семью этой девочки. И плевать, что я этого не хотела. Сделала.

Крик подползал к горлу, девочка шла и смотрела на меня.

- Бедный ребенок, - сказал кто-то. – Посмотрите на её лицо. В уме бы не повредилась. Всё не плачет, смотрит, будто высматривает кого.

Это было последней каплей. Крик прорвался тоненьким собачьим визгом, меня затрясло. Я развернулась и попыталась убежать, но ноги не двигались, словно кто-то не пускал меня, заставляя смотреть дальше.

Чьи-то руки обхватили меня за плечи, затрясли. Я вырывалась и плакала, пока не осознала, что я сижу всё в том же кресле, а вокруг меня суетится мама, пытается меня разбудить.

- Доченька!

Я, наконец, утихла и, судорожно хватая воздух, прижалась к спинке кресла.

- Кошмар приснился, да? – мама обнимала меня, гладила по голове как маленькую. – Ты кричала. Ну, всё, всё, закончилось уже. Сейчас водички тебе принесу.

Я покорно затихла в теплых маминых руках под её ласковое воркование и вяло подумала: «Да, всё действительно закончилось. Вообще всё».

Но даже сил отчаиваться не было. Вот, действительно, всё. Я не могу без Города. Но и не могу туда приходить. Иначе он заставит меня смотреть на очередную сотворенную мной беду. Заставит. Я не просто это вижу. Мне это показывают. Насмехаясь над моей беспомощностью, над той просьбой, с которой я приходила в Город. Хочешь видеть? Пожалуйста. Любуйся на то, что сама же и творишь. Твое желание выполнено. Наслаждайся.

Я вздрогнула и попросила попить. В горле пересохло. Тупая безнадёжность скалила зубы. Что, всё ещё считаешь, что видеть – это здорово? Все ещё веришь, что есть место и для тебя, не в реальном мире, так в придуманном? Всё ещё мечтаешь? Осторожней, а то исполнится!

Всё запутывалось в тугой клубок. Мысли не собирались воедино. Я знала, что спать сегодня не лягу. Побоюсь. От одной мысли о сне меня охватывала паника. Что делать? Что мне делать? Я не хочу снова таблетки. Я не хочу снова уснуть и оказаться в Городе. Я больше ничего не хочу. Какой-то бред. Я же понимаю, что не могу не спать, что рано или поздно это случится, так или иначе. Человек не может не спать по собственной воле. Ну, зальюсь я по макушку кофе и энергетиками... Стоп.

Был уже вечер. Мама заставила меня лечь в постель, утверждая, что я совсем вымоталась, не ем ничего и не высыпаюсь. Поэтому надо больше отдыхать. Я послушно лежала и маялась от наплыва мыслей. Было плохо.

Стоп. Стоп, стоп, стоп. Очередная мысль всплыла из глубин, как утопленник. При чём здесь сон? Буду я теперь спать или не буду, это уже ничего не изменит. Никого не спасёт.

Я зарылась лицом в подушку и застонала. Что бы я ни сделала, я уже не смогу стереть из памяти взгляд этой девочки, потерявшей родителей.

Несмотря на все уговоры, поесть я не смогла. Кусок не лез в горло. Изображать больную было просто, можно было не клеить вымученную улыбку и не заставлять себя делать привычные дела. Я лежала и тупо, широко раскрытыми глазами смотрела в направлении потолка, иногда забывая, что не вижу. Словно сквозь сетчатку проступали картинки, мешаясь и накладываясь друг на друга. Прошое, настоящее, Город, детство, море... Что было и чего не будет. Хотелось уснуть и ничего не видеть. И не проснуться.

Это решение родилось не сразу. Оно пряталось где-то глубоко, медленно и исподволь пуская корни, оплетая меня, как паутиной. Пряталось, может быть, годами, ждало момента, звёздного часа. Ждало, когда я сломаюсь. И потому казалось немножко чужим. Но от этого не менее правильным. Нужно всё прекратить. Вообще всё. Я устала от сюрпризов, которые преподносит жизнь. А она, похоже, не собирается останавливаться. Чем дальше, тем хуже. И если я не сделаю этого сейчас, то, возможно,

другого раза не будет. Я не найду сил и необходимого толчка. И закончу свои дни в интернате для инвалидов или психушке.

И как только решение было принято, мне полегчало. Пусть говорят, что это путь слабаков и неудачников. Если долго мучиться, смерть – не самое худшее. Нет просто больше сил ходить по острым граням.

В квартире все уже спали. Я мимолетно удивилось, как протекает мимо меня время, я даже не замечаю его. И отправилась на кухню за водой. Очень хотелось пить.

План был прост. Я уйду в Город. В место, которое стало для меня таким важным. Стало дороже дома. Я хочу побыть там в последний раз. Фу, как сентиментально звучит!

Я передёрнулась и тихо засмеялась. И снова показалось, что это не я так думаю, планирую, представляю.

Интересно, а что будет здесь со мной, когда меня не станет там? Наверное, просто умру во сне, тихо и незаметно. Мама с папой? Поплачут и успокоятся, дочь-инвалид, вечная обуза им тоже ни к чему. Никому это не нужно.

За окном тихо шумели машины. Весна. Я чувствовала её запах, распускающихся цветов, мокрой после дождя пыли, свежей травы. Я улыбнулась и нырнула под одеяло. Закрыла глаза, прислушалась к собственному дыханию. Ровное. Как хорошо не бояться. И закрыла глаза. Я возвращаюсь. Город подарил мне два года спокойствия и счастья. Нужно быть благодарной. Просто всё когда-нибудь заканчивается.

Сон прилёг к моей щеке, как пушистый котенок. Я погрузилась в него, как в облако, как в теплую воду. И оказалась в Городе.

Там тоже было тихо. Больше не пахло гарью и горем. Не задумываясь, я пошла к реке. Её синяя гладь светилась между домами. Я шла не спеша. Здесь было страшнее решиться, здесь больше от чего приходилось отказываться. Твёрдости стало меньше, страх возвращался.

Река была величава и спокойна. Ей было всё равно. Я смотрела на её залитую солнцем гладь, ровную и чистую. Она тянула магнитом, такая прохладная, такая бездонная. Вот так раз и всё.

Пальцы касались каменного парапета, такие же холодные и бесчувственные, как он. Пальцы гладили скользкую поверхность, и мысли в голове были такие же скользкие и неуловимые. Взгляд. Взгляд девочки с пожарища. Взгляд мертвого мужчины с берега, женщины, ищущей погибших родственников. У них всех было то, чего не было больше у меня. Взгляд. И то, от чего я хотела бы избавиться сейчас больше всего на свете. Взгляд. Озеро, полное боли. Бойтесь своих желаний. Я так страстно хотела иметь возможность видеть, чтобы узреть это? Господи, ну зачем так? Там я слепа и мечтаю о прозрении, здесь я хочу вернуться в привычную темноту. Я не хочу видеть.

Эта мысль выпуталась из общего клубка, скрутилась в тугую нить и хлестнула меня по чему-то ободранному, кровоточащему изнутри, раз, другой. Какая-то потусторонняя холодная боль медленно заливала меня, словно вода стакан. Меня не было там и не оставалось здесь. Реальность и сон смешались, взболтались в дикий коктейль, ужас и отчаяние перетекали из одного другое.

- И это всего лишь сон, - пробормотала я. – Ставший внезапно страшным. Что ж, и отсюда есть выход. А, может, выйдя отсюда, я выйду сразу отовсюду?

Холодная даже на вид вода блестела внизу. Камень парапета лег под ладонь, ласкаясь и зазывая. Я подтянулась на руках и присела на его край, перекинула одну ногу, вторую. Всё было просто и обыденно, словно я делала это каждый день. Не страшно и мыслей особых нет. Просто сон. И вся жизнь сон. Может, меня никогда и не было. И сейчас не станет и той страшной тяжести, которая навалилась на беспомощного человечка, тех страшных взглядов-ожогов, выдирающих кусочки души из слабого человечка...

Резкая боль пронзила плечо, левая рука моментально онемела, и над ухом оглушительно рявкнуло:

- Совсем сдурела? А ну-ка назад, идиотка!

Чьи-то сильные руки безжалостно выдернули меня назад, как морковку из грядки. Я шлёпнулась на мостовую и весьма ощутимо приложилась локтями и «пятой точкой» об её точёные камни. Боль испугала и отрезвила на какой-то миг, прорвавшись сквозь тупое оцепенение. И вместе с ней пришло осознание. Со мной разговаривают. Он меня видит, замечает. Кто он?

Я подняла глаза и сквозь пряди растрепавшихся от ветра с реки волос увидела злое лицо. Знакомое. Где-то я его видела. Нет сил вспоминать.

- Ты сдурела? - поинтересовался он. – Неадекватная?

- Сам такой, - огрызнулась я.

- Не такой! - рявкнул он. – Я с мостов не кидаюсь. Пока ещё. Но дурной пример может оказаться заразителен. Ты чего туда полезла, психованная?

- Не твоё дело, - сказала я уже тише. Меня начинало отпускать, озноб побежал мурашками по плечам.

Парень вздернул меня за руку вверх.

- Вставай, хватит сидеть на камнях. Даже если ты не настоящая, всё равно это вредно для здоровья.

Я послушно встала и только потом спросила:

- Почему не настоящая?

- Потому что ненастоящая. Это мой сон, и меня не устраивает, что по нему бегают всякие психопатки! Думал, хоть здесь от них отдохну.

- Чей сон? - не поняла я. Он волок меня куда-то по улице, как тряпичную куклу. Рука моя чуть не отрывалась, но отпускать меня он, похоже, не собирался.

- Не умничай, придуманный мною образ, - он не снижал ни тона, ни темпа.

- Мне больно, - пискнула я.

- Радуйся, ещё пять минут и ты вообще больше ничего не чувствовала, - рыкнул он, но притормозил.

И тут неожиданно я поняла, что только что чуть не сделала. Колени подломились, и я грохнулась бы на камни, если бы спутник не поймал меня. Усадил прямо на зеленую травку на обочине, взгляделся в моё ошеломленное и растерянное лицо и деловито уточнил:

- Плакать и каяться будем?

- Отстань, - пробормотала я. Меня заколотило с невероятной силой. Даже зубы застучали. Я сошла с ума, точно. Mamочки, я же чуть не прыгнула туда!

- М-м-м, - простонала я сквозь зубы.

Спаситель плюхнулся рядом, отдышался.

- Ну, ты даёшь! Ничего, что вокруг люди? Всех захотела довести до инфаркта?

- Они меня не видят, - хрипло сказала я. Неужели я действительно?.. Бред. Быть не может.

- Ну, я же увидел, - вполне логично сказал он.

- Почему? - всё ещё думая о своем, спросила я.

- Потому что это мой сон.

- Что? - мысли мои, наконец, переключились. До меня дошло, что именно он говорит. - Что?

- Ничего, - успокоил он меня. - Просто это мой сон. И ты тоже мне просто снишься.

Признаюсь, у меня отпала челюсть.